

Воспоминания об Адриане Анатольевиче Смирнове

Часть первая

Пишу эти воспоминания экспромтом за две недели до начала конференции (15 ноября 1998 года, Киев), посвященной памяти моего друга молодости Адриана Анатольевича Смирнова, по просьбе его жены Евгении Серафимовны Юшковой-Смирновой. Вспомнить «дела давно минувших дней» (главным образом даты) помогают мне три литературных источника.

1. Е.С. Юшкова-Смирнова. Адриан Анатольевич Смирнов. Биографический очерк.// Препринт ИМФ НАНУ, № 1, 1996. — 38 с.

2. Адриан Анатольевич Смирнов. Библиография ученых Украинской ССР. Составитель М.Н. Верещак. // Киев: Наук. думка, 1988. — 48 с.

3. С.В. Вонсовский. С.П. Шубин. // Научно-техническая интеллигенция Урала в 20-е — 30-е годы. Дела и судьбы.// Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993. — С. 8.

Должен отметить, что я не являюсь физиком-теоретиком и поэтому не могу дать объективную оценку ценности научных работ Адриана Анатольевича. С другой стороны, мне хочется дать читателям представление об условиях, в которых проходило наше общение в те годы (1930-е — 1940-е). Для этого я посчитал целесообразным, наряду с биографическими данными Адриана Анатольевича, упомянуть параллельно некоторые сведения и о себе.

К сожалению, интересные детали, эпизоды, конкретные фразы (что так украшает воспоминания) не удержались в моей памяти. Не осталось и письменных источников (дневников, писем), так как я был в Советском Союзе «социально чуждым элементом» и не без основания опасался ареста и обыска в квартире. Даже семейные архивы я уничтожил, чтобы не создавать прецедента и не подводить своих родственников и знакомых.

Свои воспоминания я условно разделю на несколько периодов.

Первый период: 1936 год. В 1936 году произошли следующие события, которые привели к моему знакомству с Адрианом Анатольевичем (в дальнейшем, для краткости, буду называть академика А.А. Смирнова просто Адриан, как я называл его в молодости). Был ликвидирован институт УРАЛФИЗХИМ (Уральский физико-химический институт, Свердловск), и Лаборатория электрохимии расплавленных солей, в которой я работал младшим научным сотрудником, сменила вывеску и вошла в состав вновь организованного института УРАЛФТИ (Уральский физико-технический институт, Свердловск). При этом лаборатория переместилась в новое здание этого института, специально построенное для коллектива сотрудников, который был создан в Ленинграде на базе Ленинградского ФИЗТЕХа. Весь коллектив УРАЛФТИ (заранее скомплектованный в Ленинграде) переехал в 1936 году в Свердловск. В этом же здании поместилась группа физиков-теоретиков, которая прибыла в Свердловск на четыре года раньше. В этой группе работал Адриан. Ему в то время было 28 лет (1908 г.р.), мне — 26 (1910 г.р.). Мы оба были не женаты. В коллективе УРАЛФТИ было еще несколько молодых холостых сотрудников. Все они получили двухкомнатные квартиры в жилом доме на улице Шейкмана, 19. Завязались знакомства.

Не помню точно, при каких обстоятельствах я познакомился с Адрианом. По-видимому, причиной был цикл лекций, который С.П. Шубин (руководитель теоретического отдела) и А.А. Смирнов читали (вдвоем) для повышения квалификации сотрудников УРАЛФТИ. Шубин читал вводные лекции, а Смирнов излагал содержание материала подробно, со всеми математическими выкладками. Это были лекции, посвященные квантово-механической теории атома водорода на основе статьи Гейтлера-Лондона (1928 год). Я в то время понятия не имел о квантовой химии, но был очень увлечен (как дилетант) новыми идеями в физике и решил «просветиться» на этих лекциях.

Оказалось, что эти лекции были мне «совсем не по зубам», но я упорно прослушал весь цикл до конца и старательно их конспектировал. <...>

Я был поражен эрудицией Адриана. Выяснилось, что у нас имеются общие интересы: любовь к спорту (теннис, настольный теннис), любовь к природе (прогулки за город — пешеходные и на лодке). На этой почве мы стали с ним общаться, ходить друг к другу в гости. В этих встречах (в разных квартирах) принимали участие также другие молодые сотрудники (неженатые), приехавшие из Ленинграда с группой «УРАЛФТИ» (Заглубский, Аверкиев и другие, фамилии которых я забыл). Приходили, конечно, и знакомые девушки. Пели, танцевали. Летом ходили на прогулки на скалы «Чортово городище», ездили на лодках по «Верх-Исетскому пруду» и т.д. Играли в теннис: обычный и настольный. Эти турниры Адриан почти всегда выигрывал у меня. Но я не обижался, так как заранее признавал за ним превосходство в этих видах спорта. А он любил быть на первом месте. Это доставляло ему чувство удовлетворения и способствовало нашему общению.

Я вспоминаю этот период как наиболее беззаботный. На мою национальность (немец) никто в обществе не обращал внимания. Достаточно сказать, что в 1934 году я был избран на собрании института в члены одного из районных советов Свердловска.

В эти же годы по приглашению Адриана я стал участником научных семинаров теоретического отдела, которые возглавлял руководитель теоретического отдела С.П. Шубин. Так, я прослушал доклад об открытии Чедвиком нейтрона по статье в свежем, только что полученном номере зарубежного журнала. Известный физик Д.Д. Иваненко (МГУ) сделал сообщение по теории Юкавы о «слабом взаимодействии» между частицами в ядре атома. Адриан принимал в этих семинарах активное участие. Я, конечно, помалкивал и значительную часть докладов вообще плохо понимал.

Но всему хорошему приходит конец. Наступил 1937 год.

Второй период: 1937 год. Как известно, 1937 год вошел в историю Советского Союза как экстремальная точка «Большого террора». Для коллектива УРАЛФТИ этой точкой был арест руководителя теоретического отдела института, доктора физико-математических наук С.П. Шубина и проведение в апреле 1937 года общего собрания сотрудников института для осуждения «врага народа» С.П. Шубина и одобрения действий «славных чекистов», защищающих нас от происков врага. Тяжкое, неизгладимое впечатление осталось у меня от этого собрания.

Особенно тяжело пришлось сотруднику теоретического отдела С.В. Вонсовскому. После ареста С.П. Шубина он стал открыто помогать его жене (Л.А. Шацкиной) с тремя малолетними детьми, что в официальной пропаганде считалось великим грехом и было строго наказуемо (арест, лагерь и даже «вышка» — *смертная казнь*). Несмотря на это, он не каялся на собрании в содеянном, а стал оправдывать свой поступок. Другие выступавшие (в том числе и Адриан) выступали в таком духе, чтобы обезопасить себя от дальнейших преследований. Будь я на месте Адриана, я бы выступил, наверное, так же, как и он.

Дальнейшая судьба некоторых участников этого события сложилась таким образом: директор института Н.М. Михеев и другие члены «магнитной группы» (М.В. Якутович, Я.С. Шур, Р.И. Янус и некоторые другие ленинградцы) сумели отстоять С.В. Вонсовского, причем даже Л.А. Шацкину не уволили с работы (это был редкий случай). Сам С.П. Шубин был сослан на Колыму (северная часть Сибири), и зимой этого же года он погиб на лесозаготовках от обморожения (*Вонсовский С.В. Шубин Семен Петрович В: сб. «Дела и судьбы: Научно-техническая интеллигенция Урала в 20–30 годы. Екатеринбург 1993. с. 8–15.*)

Адриан с 1937-го по 1939-й год был и.о. руководителя теоретического отдела, а в 1940 году перешел в качестве научного сотрудника на работу совместителем в лабораторию электрохимии расплавленных солей, руководимую профессором С.В. Карпачевым (в которой я работал в то время). Основным местом его работы был университет. В нашей лаборатории Адриан проводил под руководством С.В. Карпачева совместную работу по

электрическим свойствам твердых щелочно-галлоидных солей металлов. В связи с этим Адриан на научных семинарах лаборатории читал цикл лекций на эту тему. Его работа в лаборатории продолжалась около года, до мобилизации на военные сборы в апреле 1941 года. Адриан считал этот год работы в нашей лаборатории потерянным временем с точки зрения развития его основного научного направления.

Переход Адриана в нашу лабораторию способствовал моему сближению с ним. Однако наше общение продолжало носить довольно формальный характер. Ни о какой душевной близости, откровенного обмена мнениями (инакомыслия!) в тех условиях (террор) не могло быть и речи. Не было и обсуждения собрания в апреле 1937 года. По молчаливой договоренности мы делали вид, что его как будто и не было.

Я так подробно остановился на эпизоде с арестом С.П. Шубина и пресловутом собрании в апреле 1937 года, так как это событие было рубежом в «психологическом климате» институтского коллектива и оказало сильное влияние на взаимоотношения внутри коллектива института. Все разбежались по углам и «затаились»: что будет дальше? Кто следующий кандидат на арест? С кем следует, ради осторожности, прервать взаимоотношения? Сказалось это и на моих взаимоотношениях с Адрианом, правда, с некоторым «периодом релаксации».

На этом я заканчиваю изложение первых двух выделенных периодов моего знакомства с Адрианом.

Часть вторая

Третий период: 1938 — 1940 годы.

Жизнь продолжалась, и тягостные воспоминания о собрании в апреле 1937 года стали понемногу забываться. Нужно сказать, что я (и не побоюсь сказать: большинство населения) не представляли себе, что они живут в эпоху «Большого террора», и что их жизнь висит на волоске. Это замечание относится главным образом ко мне и подобным лицам с «плохим» социальным происхождением, национальностью и прошлым. Но арест и ярлык «враг народа» мог ожидать и самых ортодоксальных лиц в те годы. Смутное ожидание какой-то опасности ощущалось. Кругом шли аресты. Но было убеждение, что арестовывают людей за какие действительные ошибки или проступки. Поскольку я не чувствовал за собой никакой вины, то полагал, что нахожусь в относительной безопасности.

АГС и А.А. Смирнов, декабрь 1939 г.

В 1938 году Адриан женился на студентке университета из группы, где он читал лекции по теоретической физике, — Евгении Серафимовне Юшковой. Они совершили свадебное путешествие в Новый Афон, а в 1939 году у них родилась дочь Ира. В 1937 году я женился на бывшей студентке, окончившей ЛГУ в 1936 году, — Лидии Михайловне Попониной, а в 1938 году у нас родилась дочь Эльза. Мы продолжили знакомство семьями. Лида и Женя понравились друг другу, и мы стали ходить друг к другу в гости.

Адриан с Женей продолжали жить в двухкомнатной квартире в том же доме на улице Шейкмана, 19, а я с Лидой — в семье матери (на улице Чапаева, 8). Собирались обычно в дни революционных праздников или по семейным памятным дням. На квартире у Смирновых главным образом танцевали фокстрот под патефон с механическим заводом и пластинками со сменными металлическими иголками. Помню даже название одного из фокстротов — «Бабочки под дождем». Адриан был превосходным танцором (по отзывам женщин) и превосходил других, как, впрочем, и в большинстве других мероприятий,

которые мне приходилось наблюдать или участвовать. Женя покоряла всех своей миловидностью и доброжелательностью счастливой хозяйки дома.

На квартире матери мы преимущественно играли в «бумажные» игры, требующие смекалки и быстрого соображения. Например, из букв в каком-либо длинном слове требуется составить более короткие слова, имеющие определенный смысл. Выигрывал тот, кто составлял больше всего слов и слова с наиболее оригинальным сочетанием букв. Победителем в этой игре (как и в других подобных играх), как правило, был Адриан.

Адриан защитил кандидатскую диссертацию в 1936 году (в Москве), одну из первых в Советском Союзе, так как именно в этом году был создан ВАК и выработаны правила подготовки и защиты диссертаций. Я защищал кандидатскую диссертацию на три года позднее (в 1939 году, в Свердловске), а Адриан был у меня официальным оппонентом. Естественно для друга он написал положительный отзыв и даже сделал приписку, что «уровень кандидатской диссертации выше среднего и после небольшой доработки она могла бы быть защищена как докторская». Полагаю, что это была очередная ехидная шутка с его стороны.

Четвертый период: 1941 — 1949 годы. Война (22 июня 1941 года) застала Адриана во время военных сборов. Поэтому он в первые дни войны сразу попал на передовую линию фронта и через восемь дней войны (1 августа 1941 года) был ранен в ногу осколком снаряда. Первого декабря 1941 года его демобилизовали. Следует отметить, что Адриану, с одной стороны, повезло, так как он остался жив и не попал в плен в эти первые дни войны, когда целые армии попадали в окружение. С другой стороны, если бы в это время он не был на военных сборах, то он мог вообще избежать мобилизации в армию, так как через несколько месяцев после начала войны (насколько мне известно) был издан очень разумный приказ, чтобы молодых специалистов с техническими специальностями не брали на фронт.

В годы войны наши контакты с Адрианом почти прекратились. Я первые восемь месяцев войны имел броню, но обстановка (экономическая и психологическая) была очень тяжелая. Все силы были брошены на выживание семьи, и тут уж было не до взаимных посещений и развлечений. Я не могу вспомнить каких-либо эпизодов о встречах с Адрианом и Женей в первые месяцы после его возвращения с фронта. Мне кажется, что он очень тяжело переживал свое ранение, которое делало его неполноценным физически, и он не мог участвовать в разных мероприятиях (спортивных играх), показать свое превосходство. Первое время он ходил на костылях. Фактически он только один из числа научных сотрудников института (да еще со степенью) в первый год войны оказался «опаленным ее огнем» на переднем фронте.

С другой стороны, вокруг меня уже в это время начал образовываться вакуум, связанный с моей немецкой национальностью. Я это почувствовал, когда получил повестку явиться с паспортами членов семьи в милицию. Это означало, что все наше «немецкое» семейство (включая и мать и бабушку) должно было в 24 часа отправиться в ссылку в один из захолустных поселков северного Урала. Только чудом, благодаря связям матери и «телефонному праву», нас оставили в покое.

А через четыре месяца после возвращения Адриана с фронта в Свердловск новая беда постигла меня. В марте 1942 года я получил повестку из военкомата о мобилизации в ряды РККА. Однако, когда я пришел туда, то увидел, что все «призванные» — немцы. Оказалось что под липовым прикрытием «мобилизации» всех немцев-мужчин (кроме стариков и детей) направляют в концентрационный лагерь (ГУЛАГ НКВД) в уральский город Нижний Тагил (и некоторые другие города Северного Урала). Меня поместили в барак за колючей проволокой. Этот лагерный пункт назывался «Спецотряд 1874 при кирпичном заводе». Он насчитывал шесть тысяч немцев. Через три года осталось три тысячи. Другая половина погибла из-за невыносимых условий жизни и работы. Такая форма профилактической изоляции немцев получила название «Секретная армия». В печати об этом никогда не было ни слова. Благодаря счастливому стечению

обстоятельств, через полтора года я был демобилизован и направлен обратно на прежнее место работы (в 1992 году был реабилитирован).

После возвращения из лагеря я стал заведовать лабораторией аналитической химии Института химии и металлургии УФАН (так стал называться институт после объединения Института химии УФАН с УРАЛФТИ в 1939 году). А Адриан Анатольевич после войны работал (как совместитель) в том же институте в лаборатории фазовых превращений в металлах. Местом его основной работы был университет (причем два года он был деканом физико-математического факультета).

Наши контакты с Адрианом в этот последний четырехлетний период его пребывания в Свердловске стали еще реже. Определенное значение имело то, что жили мы далеко друг от друга (я переехал с семьей в 1943 году во Втузгородок) и исчез один из стимулов нашего общения — спортивные игры из-за его инвалидности. Но главной причиной было несомненно то, что после лагеря я стал «*Persona non grata*» в глазах общественности и общаться со мной было опасно (нужно не забывать, что Сталин был еще жив и террор продолжался). Кроме того, в это время был широко распространен русский шовинизм (вспомним хотя бы тост Сталина «За русского человека»). А понятия «немец», «фашист» или «шпион» были после войны почти синонимами. И сверх того я в глазах коллектива института был еще и бывший «зек» (хотя формально был демобилизован из армии). И разум у нас с Адрианом взял верх над эмоциями. Я понимал, что мое посещение квартиры Адриана (или наоборот) могло быть «засечено» бдительным соседом, и этот факт передан «органам», со всеми вытекающими последствиями. По-видимому, и Адриан руководствовался подобными соображениями. В 1948 году Адриан защищает докторскую диссертацию (в Ленинграде).

Условия жизни и работы в Свердловске, насколько я понимаю, не удовлетворяли Адриана (плюс советы врачей переменить климат для дочери), и в 1949 году Адриан переезжает с семьей в Киев. Здесь условия благоприятствовали его намерениям и он, как известно, добился впечатляющих результатов как в науке, так и в научной карьере, став академиком УССР, а в отдельные периоды и вице-президентом этой академии.

Факт отъезда Адриана Анатольевича из Свердловска совершенно не запечатлелся в моей памяти. Сопоставляя даты своей и его биографии, полагаю, что в это время я отсутствовал в Свердловске, так как по заданию правительственной комиссии находился в четырехмесячной командировке в «Челябинске-40» (июнь–сентябрь 1949 года) (*см. воспоминания «Сталин и бомба»*).

На этом можно было бы закончить воспоминания о четвертом периоде нашего знакомства. Но я позволю себе все же несколько слов сказать о семи годах, которые я прожил в Свердловске после отъезда Адриана Анатольевича в Киев. В 1950 году меня изгоняют из ИХиМ УФАН'а, как «нежелательный элемент», и в течение шести лет я работаю сначала доцентом, а потом профессором УрГУ (Уральского государственного университета, Свердловск) на кафедре физической химии. В 1951 году защищаю докторскую диссертацию. Как и Адриан, чувствую себя неуютно в городе, где я испытал столько фактов несправедливого отношения к себе, плюс отсутствие перспектив для улучшения жилищных и служебных условий. В результате в 1956 году я оказываюсь в Томске в должности заведующего кафедрой физической и коллоидной химии ТПИ (Томского политехнического института).

Пятый период: с 1950-го по 1992 год. В течение этого 42-летнего периода мои контакты с Адрианом Анатольевичем Смирновым заключались в основном в обмене праздничными поздравлениями и пожеланиями с краткой информацией о семейных новостях, которые, как правило (в письмах из Киева), писала Женя, а Адриан присоединялся к ним, ставя свою подпись. Я полагаю, что читателям понятно, что изложение своих действительных мыслей и переживаний (в особенности «инакомыслия») было во все времена Советской власти небезопасно. Как говорится в известной поговорке: «Думали одно, говорили другое, а делали третье». Вот в таком духе мы и

переписывались эти 42 года. Но два раза я за этот период был в Киеве. И тогда мы имели возможность лично пообщаться.

Первая наша встреча происходила, по-видимому, в 1952 году, летом, когда мы всем семейством, втроем (Лида — жена, дочь Эльза — школьница и я), совершали туристическое путешествие по маршруту Ленинград — Москва и, прикупив в Москве три путевки в Киев, пробыли там еще три дня.

Время для встречи с семейством Смирновых оказалось неудачным. У Жени в эти дни умер отец (в Малоярославце) и она отсутствовала в Киеве. Поэтому мы с Адрианом пообщались только вдвоем, как говорится, «на ходу». Но четко запомнилось. В жаркий летний день мы идем с ним по одной из главных улиц Киева, и он предлагает: «Выпьем, старина, по стакану сухого вина!» Зашли в уличный павильон, выпили. Потом приглашает меня зайти к нему «на минутку» домой: «Посмотришь мою берлогу» (так он назвал свой кабинет). В эти дни он был очень занят: писал популярную статью и опаздывал с представлением рукописи к договорному сроку. Я почувствовал, что отвлекать его от работы пустой болтовней неуместно и поспешил закончить встречу.

Вторая наша встреча произошла летом 1978 года, когда наше семейство уже в другом, но тоже полном составе (Эльза — дочь, Боря — ее муж, Оля — внучка и я) путешествовали по туристической путевке в Киев. Семейство Адриана в это время жило на даче. Адриан на своей «Волге» привез нас на дачу, а вечером мы вернулись (рейсовым автобусом) обратно в Киев на турбазу. Так что на даче пробыли всего несколько часов. Это был прекрасный летний день. Женя с Эльзой остались дома хлопотать по хозяйству, а остальная компания поехала на моторной лодке на пляж купаться. Потом обедали под открытым небом в саду перед домом. Женя блеснула своими кулинарными способностями и угостила нас прекрасным обедом с возлияниями. Адриан в своей обычной манере, иронически называл Женю: «Моя старуха». Но чувствовалось, что они живут в полном мире и согласии, а Женя не обижалась на такие реплики, привыкла. Вспоминали дни нашей молодости. Какого либо интересного разговора с Адрианом «по душам» в суматохе дачных развлечений не получилось. Уж очень много времени прошло со времени нашей молодости. Уж очень много событий произошло за это время. Уж в очень разных условиях мы жили и работали. Это была наша последняя встреча с Адрианом.

В заключение я хотел дать психологический портрет Адриана Анатольевича как моего друга молодости и проанализировать наши взаимоотношения с учетом социальной обстановки, в которой мы жили.

У него был сложный характер, и мне теперь, на старости лет, даже трудно объяснить, что служило притягательной силой между двумя такими разными молодыми людьми, какими мы были, когда жили в Свердловске. Адриан всегда добродушно подтрунивал надо мной. Из литературных персонажей мне в голову приходит рассказ Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея». Адриан — лорд Генри, я — Дориан Грей. Я имею в виду манеру Адриана обо всем говорить с иронией, граничащей иногда с цинизмом (конечно, это не имело отношения к политике). А я добродушно, иногда с некоторой обидой, но с интересом выслушивал эти его подтрунивания. Мне нравилось общаться с людьми, которые превосходили меня по своей эрудиции. Мне было интересно с Адрианом, потому что мог научиться чему-то новому от общения с ним. С другой стороны, Адриану, по-видимому, нравилось чувствовать свое превосходство надо мной. К сожалению, эпоха «Большого террора», в которую мы жили в молодости, не способствовала возникновению душевной близости, откровенному высказыванию своих взглядов на жизнь, на окружающую обстановку. Но в целом, я высоко ценю Адриана Анатольевича Смирнова не только как крупного ученого, но и как порядочного человека. Моим девизом всегда были слова: «Будь бдительным, не распускайся!». У Адриана, как мне кажется, девиз был тот же самый. В этом было наше сходство. Я всегда с удовольствием вспоминаю нашу молодость и не жалею, что наши жизненные пути пересеклись, и мы подружились. Я много получил от общения с Адрианом Анатольевичем Смирновым.

Перечитал «Воспоминания». Получилось очень длинно. Если бы ограничился только впечатлениями от личных встреч с Адрианом, то можно было бы уложиться в объеме в два-три раза меньше. Но, как говорится, у меня было «слишком мало времени», чтобы хорошо продумать текст и написать его кратко. Пусть читатель учтет это и простит меня.

5.11.98. Томск